

у совершившаго эти преступлениа заговорила когда-либо совѣсть.

Я думаю, теперь ясно для всякаго, почему Толстой заставляетъ Никиту употребить такой *странній* и звѣрскій способъ (раздавилъ доской) умерщвленія младенца. Всякій, даже и не особенно проницательный человѣкъ, пойметъ и согласится съ тѣмъ, что такой пассажъ, какъ жалобный письмъ ребенка и трескъ ломаемыхъ костей его, неожиданно изобличившіе все звѣрство и *отвратительность* убийства, долженъ былъ произвести паразительное дѣйствіе не только на Никиту, повичка въ дѣлѣ убийства, но и на самого закоренѣлаго злодѣя, совершившаго дотолѣ хладнокровно, можетъ быть, десятки убийствъ. Однимъ словомъ, раздавливаемый ребенокъ произвелъ на Никиту такое *дисгармоническое* впечатлѣніе, что съ этого момента значеніе совершенного убийства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *отвращеніе къ себѣ* достигли у него до высочайшей степени. Обязательный и естественный исходъ такого настроенія духа, конечно—страшныи угрызенія совѣсти, ведущія или къ самоубийству*), или къ раскалинию.

Всѣмъ этимъ, я думаю, мнѣ удалось доказать, что раскалине Никиты есть явленіе вполнѣ случайное, зависящее отъ особыхъ экстраординарныхъ обстоятельствъ.

Послѣ этого совсѣмъ не будетъ смысла мое утвержденіе, что Никита можетъ и не произвести на (простыхъ) слушателей и зрителей пьесы—того благодѣтельного нравственнаго впечатлѣнія, на которое разсчитывается Авторъ. При той легкости взгляда нашего крестьянина на *извѣстнія* преступленія (этотъ фактъ, по моему, Толстой блистательно доказалъ своей драмой), вызывающія—такъ сказать—*общее* благо и практическія выгоды для большинства, нисколько ни будетъ удивительнымъ, если многие изъ зрителей и зрительницъ (крестьянъ) вполнѣ примирились бы съ фактомъ убийства ребенка, (который, будучи нулемъ въ глазахъ ихъ, мѣшалъ счастью цѣлой семьи), если бы оно только было чисто и ловко сдѣлано.

Способъ же умерщвленія ребенка вызоветъ у многихъ совсѣмъ особаго рода раздраженіе противъ Никиты: большинство „темныхъ“ читателей и зрителей наградитъ его цѣлой серіей нелестныхъ эпитетовъ, но только не въ родѣ: „извергъ“, „злодѣй“ и т. д., а скорѣе „дуракъ“, „болванъ“ и т. д. (вообще эпитетомъ, характеризующимъ неловкаго человѣка), причемъ пожалуй еще будутъ думать про себя: „иѣтъ, если бы довелось такое дѣло до меня, такъ я бы обдѣкалъ его чище“.

Слѣдя за страшными угрызеніями совѣсти Никиты, явив-

*) Никита дѣжалъ неудачнѣя попытки совершить его.